

Мартов Л.

**Красное знамя в России.
Очерк истории русского
рабочего движения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л11

Л11 **Л. М.**
Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения / Мартов
Л. – М.: Книга по Требованию, 2026. – 77 с.

ISBN 978-5-519-95588-1

ISBN 978-5-519-95588-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

родилось, такъ сказать, какъ непосредственное рабочее движеніе. Въ Россіи же социалъдемократія появилась на свѣтъ въ то время, когда промышленный пролетаріатъ находился еще въ первыхъ стадіяхъ своего выдѣленія изъ общей народной массы въ особый классъ и когда, за исключеніемъ незначительной горсти сознательныхъ рабочихъ, онъ въ революціонномъ смыслѣ спалъ еще глубокимъ сномъ. Главной революціонной силой являлась у насъ тогда именно интеллигенція, и къ ней, стало быть, нужно было прежде всего апеллировать въ интересахъ обезпеченія новому социалистическому направленію возможно болѣе быстрыхъ успѣховъ и прочнаго развитія на русской почвѣ. Для того, чтобы пробудить русскихъ рабочихъ къ сознательной исторической жизни и вызвать въ нихъ классовое революціонное движеніе, необходимо было завоевать умы и сердца наличныхъ революціонныхъ элементовъ въ пользу такого движенія, выяснивъ имъ, что только въ немъ одномъ заключается залогъ для полнаго торжества идеаловъ и стремленій, воодушевляющихъ саму нашу радикальную интеллигенцію. Уже одно это обстоятельство само по себѣ должно было усложнить содержаніе и задачи теоретической пропаганды русской социалъдемократіи при самомъ ея зарожденіи. Во Франціи, Бельгіи или Италіи теоретическая задача первыхъ социалъдемократовъ состояла, главнымъ образомъ, въ выясненіи рабочимъ наиболѣе рациональныхъ путей и средствъ освободительной борьбы, которую они сами уже начали еще до появленія социалъдемократіи. У насъ же передъ нею въ самомъ началѣ стояла на первомъ планѣ задача выясненія радикальной интеллигенціи исторической законности и необходимости сознательно-революціоннаго рабочаго движенія на русской почвѣ. Но на этомъ пути намъ пришлось столкнуться съ цѣлымъ общественнымъ міросозерцаніемъ, возникшимъ и сложившимся въ эпоху перехода Россіи отъ натуральнаго и крѣпостническаго хозяйства къ капиталистическому, когда въ русской жизни господствовалъ еще не классовый, а сословный антагонизмъ. Необходимость отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ революціонными воззрѣніями, коренившимися въ общественной почвѣ, принципиально отличной отъ капиталистической, составляетъ вторую особенность въ положеніи первыхъ русскихъ социалъдемократовъ, которая, вмѣстѣ съ вышеуказанной, опредѣлила общій характеръ, объемъ и содержаніе ихъ теоретической пропаганды.

Народническій социализмъ представляетъ собою продуктъ приспособленія господствовавшихъ на Западѣ, на зарѣ нашего рево-

люціоннаго движенія, ученій утопическаго соціализма, къ отсталой русской дѣйствительности. Но уже классическія системы этого соціализма возникли подъ прямымъ вліяніемъ обнаружившагося классового антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей. Основатели этихъ системъ, читаемъ мы въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, понимали, что „со своими планами они являються выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго“. Общественныя отношенія, теоретическимъ протестомъ противъ которыхъ явились ученія особенно Фурье и Роберта Оуэна, отличаются отъ современныхъ западно-европейскихъ преимущественно степенью своего развитія, а не основнымъ своимъ характеромъ. Историческая почва и основныя общественныя тенденціи принципиально однородны у научнаго и утопическаго соціализма. И какъ современный капитализмъ представляетъ собою лишь высшую ступень той же экономической эволюціи, которая вызвала къ жизни утопическія ученія, такъ и современный соціализмъ является только болѣе научной, болѣе совершенной теоретической формой для выраженія тѣхъ же основныхъ общественныхъ тенденцій и задачъ, которыя представляютъ практическій корень и центръ тяжести этихъ ученій. Коренной ихъ недостатокъ въ области практики состоялъ, какъ извѣстно, въ отрицательномъ отношеніи къ „классовой организаціи пролетаріата“ и его „исторической самодѣятельности“. Но съ поступательнымъ ходомъ стихійнаго, массоваго рабочаго движенія и измѣненіемъ соціальнаго состава революціонныхъ кружковъ, вслѣдствіе возрастающаго притока передовыхъ элементовъ изъ рабочаго класса на счетъ элементовъ буржуазныхъ, недостатокъ этотъ устранялся какъ бы самъ собою въ практикѣ соціалистическаго движенія, безъ предварительной коренной ломки въ его теоретическихъ основаніяхъ. Историческій процессъ сближенія этого движенія съ массовымъ рабочимъ движеніемъ въ немногихъ словахъ прекрасно очерченъ въ печатаемой брошюрѣ. Для моей цѣли важно лишь отмѣнить тотъ фактъ, что въ большинствѣ западныхъ странъ процессъ этотъ ко времени возникновенія соціалъдемократическаго теченія значительно подвинулся уже впередъ, такъ что классовой антагонизмъ и борьба пролетаріата съ буржуазіей признавались тамъ анархистами и бланкистами, не только какъ безспорные факты, но и какъ главные базисы и рычаги для революціоннаго соціализма. При такихъ условіяхъ, соціалъдемократія могла постепенно упрочиться и даже вытѣснить соціалистическія фракціи, теоретическіе

корни которых лежали въ утопическомъ социализмѣ, не вступая въ рѣшительную борьбу съ основами его міросозерцанія. Ей достаточно было пустить въ оборотъ только нѣкоторыя изъ положеній и выводовъ марксизма, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ программѣ дѣйствій борющагося пролетаріата, чтобы успѣшно конкурировать съ представителями утопическаго социализма въ рабочемъ движеніи. Можно сказать, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ практическая политика социалистовъ стала социалъдемократической, путемъ усвоенія ими гомеопатическихъ дозъ изъ современнаго социализма и эклектическаго сочетанія ихъ съ наличнымъ кругомъ идей, унаслѣдованнымъ отъ эпохи социализма утопическаго. Подъ давленіемъ роста рабочаго движенія и капиталистическаго развитія, идеологи пролетаріата, воспитанные на его идеяхъ сами иногда не сознавая этого, практически эволюціонизировали въ направленіи къ социалъдемократической программѣ и тактикѣ. Ихъ мысль реформировалась въ духѣ практическихъ воззрѣній социалъдемократіи, а не революціонизировалась въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ. Типическимъ примѣромъ такой эволюціи является рабочая партія въ Бельгіи, практика которой стоитъ безусловно на высотѣ ученій социальной демократіи, между тѣмъ какъ теоретическій ея базисъ отличается большимъ эклектизмомъ.

Въ Россіи, путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ социалъдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ ея основныхъ, объективныхъ задачъ и тенденцій и тѣхъ, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго социализма на русской почвѣ. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія, вызваннаго къ жизни гнетомъ абсолютизма и сословныхъ привилегій, движенія, историческая миссія котораго состояла въ томъ, чтобы поднять крестьянскія массы во имя ихъ сословныхъ интересовъ на борьбу противъ унаслѣдованнаго отъ эпохи крѣпостного права государственнаго и общественнаго строя. Внутренняя, органическая (а не субъективная), если можно такъ выразиться, тенденція этого движенія приблизительно такъ же далека была отъ социализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соответствующія эпохи ихъ исторіи. Черезчуръ „проницательный читатель“ увидитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ авторъ брошюры и что у меня въ началѣ предисловія сказано о социалистическихъ цѣляхъ и стремленіяхъ нашей интел-

лигенціи въ народнической періодъ. Но въ дѣйствительности, противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или только кажущееся. Субъективно, въ сознаніи его революціонныхъ представителей, движеніе имѣло цѣлью „измѣненіе основъ существующаго строя“, т. е. произведеніе социалистическаго переворота, но по своему общественному смыслу и своей реальной исторической тенденціи оно стремилось къ измѣненію правовыхъ основъ этого строя и къ перераспредѣленію поземельной собственности въ пользу крестьянскаго сословія. Подъ вліяніемъ ученій утопическаго социализма, насущная историческая задача радикальнаго очищенія русской почвы отъ старыхъ юридическихъ основъ и надстроекъ на время соотвѣтъ исчезла изъ революціонныхъ программъ интеллигенціи, такъ что съ формальной стороны можно сказать, послѣдняя грѣшила безусловнымъ пристрастіемъ къ „социалистическимъ идеаламъ“ и слѣпой враждой къ либерализму. Впослѣдствіи въ ея средѣ нашлись мудрецы, приписавшіе этому главную причину пораженія народническаго революціоннаго движенія и настоячиво совѣтовавшіе впредь запрятать социализмъ, — вплоть до того блаженнаго времени, когда Россія станетъ конституціоннымъ государствомъ. Но въ дѣйствительности причиной этой былъ недостатокъ элементовъ въ народѣ не только для социалистическаго, но и для широкаго революціоннаго движенія вообще*). Если

*) „Народъ“ былъ у насъ въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ тождественъ съ крестьянствомъ не только въ представленіи интеллигенціи, но и болѣе или менѣе въ дѣйствительности. А крестьянство неспособно было къ борьбѣ не только за „соціальную революцію“, но и за менѣе радикальныя цѣли. Бакунисты надѣялись подготовить его къ общему возстанію, путемъ участія въ мѣстныхъ „бунтахъ“, организаціи и расширенія ихъ. Но эта программа основана была на традиціяхъ народныхъ движеній того далекаго, давно похороненнаго прошлаго, когда силы сопротивленія народа были гораздо значительнѣе, а административныя и военныя силы государства гораздо слабѣе, чѣмъ въ Россіи второй половины XIX-го вѣка. Оставляя въ сторонѣ всякія другія соображенія, можно сказать, что соотношеніе этихъ силъ уже само по себѣ дѣлало невозможнымъ возникновеніе, а тѣмъ болѣе успѣхъ широкаго стихійнаго крестьянскаго возстанія. Но точно также утопично было стремленіе фракціи лавристовъ или пропагандистовъ вызвать обще-крестьянское сознательное революціонное движеніе, по духу и характеру подходящее къ современному рабочему движенію на Западѣ. Если для бунтарской политики уже не было, то для систематической пропагандистской

бы въ народной массѣ такихъ элементовъ было достаточно, то, подъ какимъ бы идейнымъ флагомъ оно ни началось, — объективная логика русской экономической дѣйствительности и ходъ борьбы привели бы непосредственно не къ социалистическому, а къ либеральному перевороту. Но въ томъ-то и дѣло, что революціонныхъ силъ въ народѣ въ наличности слишкомъ мало было — и историческая миссія идейной разночинской интеллигенціи осталась невыполненной. Въ этихъ двухъ, внутренне связанныхъ фактахъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ, въ силу которыхъ народническое движеніе, не смотря на свою особенную историческую основу и на свою объективно-общественную тенденцію, подобно утопическимъ социалистическимъ движеніямъ на Западѣ играло у насъ роль подготовительнаго фазиса для социал-демократіи, и подобно имъ, внутренне связана съ ней. Не рѣшенная народническимъ періодомъ общественная задача ждетъ еще своего рѣшенія, но оно лежитъ не въ народныхъ элементахъ, созданныхъ эпохой крѣпостническаго и натуральнаго хозяйства, а въ классовой борьбѣ нашего юнаго промышленнаго пролетаріата съ юной промышленной буржуазіей. Классовая борьба перваго со второй должна явиться у насъ базисомъ и рычагомъ для искорененія сословнаго антагонизма и для освобожденія Россіи отъ архаической организаціи государства. Это значить, что на долю освободительнаго движенія рабочаго класса и социализма выпадаетъ у насъ историческая миссія, въ большей или меньшей степени выполненная на Западѣ въ свое время либерализмомъ. Но отсюда въ то же время слѣдуетъ, что и демократическая интеллигенція, игравшая на Западѣ роль революціоннаго знаменосца радикальнаго либерализма, должна въ Россіи стать авангардомъ социалистическимъ, не только субъективно, по своимъ общимъ идеаламъ и идейнымъ лозунгамъ, но и по объективному содержанию и общественному смыслу своей практической дѣятельности, т. е. она должна прежде всего стать на почву обще-

и организаціонной работы въ народныхъ массахъ — подъ какимъ бы то ни было революціоннымъ знаменемъ — въ широкомъ масштабѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ почва еще не была подготовлена. Поэтому, когда въ передовицѣ № 1 „Нар. Воли“ заявлено было, что вести пропаганду въ народѣ значить „биться, какъ рыба объ ледъ“, то съ точки зрѣнія непосредственныхъ революціонныхъ цѣлей и задачъ народническаго періода, заявленіе это соответствовало реальному положенію вещей и представляло собою выводъ изъ опыта тогдашнихъ революціонеровъ.

классовыхъ интересовъ пролетаріата, проникнуться ими и слиться ими свои идеальныя стремленія и революціонныя помыслы. И вотъ для расчистки пути въ умы радикальной интеллигенціи этому взгляду на историческую роль и взаимныя отношенія ея и нашего пролетаріата, понадобилось совершить цѣлую теоретическую революцію въ головахъ нашихъ революціонеровъ и кандидатовъ въ таковыя. Плеханова упрекали, какъ писателя, и всю группу „Осв. Труда“, какъ издательскій и пропагандистскій кружокъ, что онъ и она потратили значительно больше силъ и средствъ на борьбу съ теоретическими и философскими заблужденіями и предубѣжденіями народнической интеллигенціи, чѣмъ на чисто рабочую литературу. Упреки эти, поскольку они диктуются безкорыстными мотивами, основаны на совершенномъ незнаніи и непониманіи условій зарожденія и первоначальнаго развитія русской социалъдемократіи.

Поучительна въ этомъ отношеніи судьба практическихъ попытокъ у насъ въ социалъдемократическомъ духѣ въ теченіе 70-хъ годовъ. О попыткахъ этихъ рассказываетъ авторъ брошюры. Читая о нихъ, невольно спрашиваешь себя: отчего все опъ оказались безконечно менѣ прочными и устойчивыми, чѣмъ другія революціонныя организаціи того десятилѣтія? Отчего онѣ не оставили по себѣ теченія, способнаго хоть на столько выдержать противодѣйствіе враждебныхъ силъ, чтобы не затеряться и не заглухнуть? Когда группа „Осв. Тр.“ выступила съ пропагандой социалъдемократическихъ идей, мысль о сознательно-революціонной самостоятельности русскаго пролетаріата встрѣчена была, какъ нелѣпая утопія, о которой въ русской революціонной средѣ никогда не слыхали. Мы увидѣли себя не въ роли продолжателей дѣла, уже ранѣе начатаго, а наоборотъ, въ положеніи людей, расчищающихъ путь въ мѣстности, по которой раньше нога человѣческая еще не ступала. Значитъ, социалъдемократическіе зародыши народническаго періода не успѣли на столько развиться и укрѣпиться, чтобы оставить по себѣ сколько-нибудь живыя традиціи, на которыя можно было бы съ успѣхомъ опереться при возобновленіи усилій на пользу организаціи среди русскихъ рабочихъ самостоятельнаго движенія.

Хотя нашъ авторъ и не ставитъ прямо вопроса о причинахъ этого факта, въ брошюрѣ находятся, однако, данныя и указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Заключение, къ которому они приводятъ, состоитъ въ томъ, что непосредственной причиной слабости и неустойчивости первыхъ социалъдемократическихъ попы-

токъ явилось пассивное отношеніе къ нимъ со стороны наиболѣе активныхъ революціонныхъ силъ народническаго періода. Чтобы преодолѣть эту пассивность ихъ, необходимо было выяснитъ и показать имъ, что дальнѣйшій ростъ и успѣхъ русскаго революціоннаго движенія возможны только подъ условіемъ превращенія его въ классовое, т. е. политическое, движеніе русскаго пролетаріата. Но инициаторы начинаній социалъдемократическаго характера въ 70-хъ годахъ сами далеки были отъ такого взгляда на историческую роль нашего рабочаго класса и на обязанности радикальной интеллигенціи по отношенію къ нему. Начинанія эти носили характеръ эмпирическихъ попытокъ, въ теоретическомъ отношеніи оставаясь болѣе или менѣе въ кругу господствовавшихъ идей и въ большинствѣ случаевъ не очень удаляясь отъ нихъ. Притомъ можетъ служить, между прочимъ, и упоминаемый авторомъ второй Южно-русскій Рабочій Союзъ, для котораго я написалъ программу и довольно большую объяснительную записку къ ней*). Какъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ и ближайшимъ требованіямъ, такъ и по общей мотивировкѣ ихъ, программа эта была столь же социалъдемократична, какъ и программы большинства западныхъ социалъдемократическихъ партій въ то время. Но въ основѣ ея лежала еще порядочная доза бакунизма, эклектически смѣшанная съ воззрѣніями социалъдемократическими. Обращаясь непосредственно къ сознательнымъ представителямъ рабочихъ, я могъ, въ своихъ теоретическихъ послылкахъ, ограничиться указаніемъ на необходимость социалистической революціи въ интересахъ окончательнаго освобожденія пролетаріата и выясненіемъ извѣстнаго положенія Интернаціонала, что освобожденіе это можетъ и должно быть дѣломъ самого рабочаго класса. Эти послылки достаточны были для того, чтобы мотивировать передъ рабочими программу, въ которой, вслѣдъ за социалистической цѣлью, фигурировали „ближайшія требованія“ — экономическія и политическія. Но онѣ совершенно не затрагивали общаго характера народническаго движенія и его теоретическихъ основъ и уже потому рѣ-

*) Вскорѣ послѣ основанія названнаго Союза я, по требованію товарищей, долженъ былъ переселиться въ Питеръ, и скоро во главѣ его стали народовольцы. Замѣчу кстати, что ни одинъ изъ рабочихъ, вошедшихъ въ этотъ Союзъ, ни разу не упоминалъ передо мною объ одесской рабочей организаціи того же имени, погибшей въ 1875 г. Очевидно, у нихъ не сохранилось о ней никакихъ традицій, хотя всѣ они еще до моего пріѣзда въ Одессу были пропагандированы.

щитѣльно не могли повліять на образъ мыслей революціонной интеллигенціи въ смыслѣ благопріятномъ для пропаганды и агитации среди рабочихъ. Для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на эту интеллигенцію и обезпечить за возникшими въ 70-хъ годахъ рабочими организаціями болѣе или менѣе прочную традицію, необходимо было, основывая ихъ, въ то же время начать принципиальную борьбу съ революционными воззрѣніями, въ которыхъ центральное мѣсто занимали, съ одной стороны, идеализація крестьянства, съ уцѣлѣвшими „устоями“ старой Россіи, и вѣра въ историческое всемогущество интеллигенціи, а съ другой — пессимистическія представленія о пролетариатѣ и совершенно превратныя понятія о природѣ и историческихъ тенденціяхъ капитализма. Борьбу эту нужно было начать въ одно и то же время во имя настоящихъ и будущихъ интересовъ русскаго рабочаго класса — и во имя интересовъ самого революціоннаго движенія, начатаго интеллигенціей, и его насущныхъ историческихъ задачъ. Но въ рассматриваемое время некому и некогда было взяться за нее. Инициаторами ея должны были явиться члены той же интеллигенціи, которая воспитана была на міросозерцаніи, принципиально противоположномъ научному социализму. Она переживала тогда героическій фазисъ своей исторической жизни и находилась еще подъ вліяніемъ живыхъ традицій эпохи, въ которой сложилось это міросозерцаніе. Все это вмѣстѣ держало революціонную мысль какъ бы на привязи, сковывало ее и мѣшало высвободиться изъ круга старыхъ воззрѣній даже тѣмъ немногимъ представителямъ революціонной интеллигенціи, которые серьезно сочувствовали дѣлу пропаганды и организаціоннымъ попыткамъ среди рабочихъ. Принципиальная критика этихъ воззрѣній могла начаться и дѣйствительно началась лишь послѣ того, какъ народническое движеніе, ходомъ и результатами своими, приведено было въ тупой уголъ, и передъ революціонными элементами самъ собою выдвинулся роковой вопросъ: Что же теперь? Куда и какъ дальше идти?

На сколько планъ и задача, поставленныя себѣ авторомъ брошюры, позволили, онъ остановился на этомъ переходномъ моментѣ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Принимая за свое предисловіе, я намѣревался воспользоваться выходомъ въ свѣтъ этой брошюры для того, чтобы подвести итогъ теоретической революціи, оказавшейся необходимой для „выведенія русскаго революціоннаго движенія на новый путь“. Для этого нѣ нужно было бы, съ сочиненіями Плеханова въ рукахъ, до-

полнить и отбѣнить замѣчанія автора о дѣятельности группы „Осв. Тр.“. Къ сожалѣнію, упорная болѣзнь и многократные перерывы въ работѣ изъ-за неотложныхъ партійныхъ и другихъ обстоятельствъ, заставили меня отказаться отъ своего намѣренія. Питаюсь надеждой осуществить его при другомъ случаѣ. Тогда ужъ кстати придется подвести итогъ и фактическимъ идейнымъ результатамъ этой революціи, т. е. привести въ ясность, какіе элементы научнаго социализма, въ какомъ видѣ и сочетаніяхъ вошли въ сознаніе массы социальдемократической интеллигенціи и фактически вліяютъ на общее направленіе ея мысли и дѣятельности. Наше юное рабочее движеніе, повидимому, переживаетъ теперь критическій фазисъ въ своемъ развитіи, хотя тенденціозные оптимисты „Раб. Дѣла“ и отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, недавно отрицали это. Въ такой моментъ очень полезно бываетъ бросить взглядъ на пройденный путь и привести въ ясность результаты, добытые на немъ.

Заканчивая свое предисловіе, я позволю себѣ обратить серьезное вниманіе читателей на брошюру, къ которой оно написано. Она является первымъ опытомъ историческаго очерка нашего юного движенія, и такимъ опытомъ, который даетъ нѣчто гораздо болѣе существенное, чѣмъ голое, хотя бы и красивое описаніе внѣшнихъ фактовъ и событій. И еще разъ приходится мнѣ выразить сожалѣніе, что крайне неблагоприятныя обстоятельства лишили меня возможности остановиться специально на отдѣльных частяхъ этого произведенія и высказаться по поводу затрагиваемыхъ въ немъ вопросовъ съ той полнотой, какую оно заслуживаетъ.

Цюрихъ, октябрь 1900 г.

П. Аксельродъ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ВЪ РОССІИ

(ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ)

Русская буржуазія, кичась своей не особенно великой образованностью, привыкла смотрѣть на русскихъ рабочихъ, какъ на темную, невѣжественную массу, въ которой будто бы никогда и не зарождалось стремленія къ участию въ общественной, въ политической жизни.

Буржуазные интеллигенты, погрязшіе въ предрасудкахъ своего класса, смотрятъ сверху внизъ на русскій пролетаріатъ, не отличая его отъ того буйнаго, но мало сознательнаго люда, который въ такомъ громадномъ количествѣ ютится во всѣхъ крупныхъ городахъ. Когда этихъ буржуазныхъ интеллигентовъ сильно начинаетъ давить косолопое полицейское правительство, и они чувствуютъ всю необходимость ограничить его самовластіе и добиться политической свободы, они вздыхаютъ о томъ, что дескать въ прочихъ странахъ эта свобода была завоевана народомъ, а у насъ, въ Россіи, рабочій классъ вовсе и не думаетъ о лучшихъ порядкахъ, такъ что и свободы приходится ожидать только отъ Божьяго пощупенія и царевой милости. Въ Западной Европѣ, говорятъ они, рабочій движется, развивается; у насъ же молчалъ и молчитъ. И, если въ самое послѣднее время часть буржуазной интеллигенціи и начинаетъ какъ будто съ любопытствомъ приглядываться къ морю рабочаго народа, то всетаки всѣ увѣрены, что прежде-то это море всегда было тихо.

А между тѣмъ, это мнѣніе совершенно неосновательно. Русское рабочее движеніе *вовсе не такое новое явленіе*, какъ воображаютъ буржуазные либералы. Оно считаетъ за собой цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ развивалось, хотя и медленно и не безъ перерывовъ.

Въ нашей книжкѣ мы хотимъ представить очеркъ исторіи этого движенія.
